

ПУБЛИЦИСТИКА НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-АНТИФАШИСТОВ В РОССИИ 1941-1945 гг. (ОТКРЫТЫЕ ПИСЬМА И ОБРАЩЕНИЯ)

Т.А. Шарытина

*доктор филологических наук, профессор, Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского*

Рассматривается пропагандистская публицистическая деятельность немецких писателей В. Бределя, И. Бехера, В. Вольфа в период Великой Отечественной войны, их выступления как на ИНО-Радио, в передачах Совинформбюро, так и в антифашистской прессе.

Ключевые слова: публицистика, немецкие писатели-антифашисты, малые жанры, эпистолярные формы, открытые письма, жанр обращения.

Публицистика немецкой антифашистской эмиграции (1933–1945 гг.) – свидетельство того, как остро реагировали писатели на политические события современности. Особый подъём в развитии художественно-документальной публицистической литературы вызвали события в Испании, оккупация Австрии, Чехословакии, начало второй мировой войны, нападение на СССР, Сталинградская битва и кульминационные события конца войны. Антифашистская публицистика отличалась необыкновенной оперативностью. Этим объясняется преимущественная распространенность малых жанров в творчестве писателей-антифашистов периода эмиграции [1]. Характерным явлением в антифашистской литературе малой прозы было обращение к эпистолярной форме. Открытые письма, телеграммы, публиковавшиеся в печати, личная переписка были проявлением политической активности писателей-эмигрантов. Первой разведкой новых тем и сюжетов, разрабатывавшихся в малых художественно-документальных формах, также зачастую были письма. Обращение к изучению эпистолярного наследия немецких писателей-антифашистов даёт представление не только о творческой лаборатории, в которой оттачивалось мастерство немецких публицистов, но и является важным источником для изучения психологической, а

зачастую и политической перестройки, которую проходили в годы Второй мировой войны многие немецкие писатели-антифашисты.

Переписка немецких писателей-антифашистов в период эмиграции была интенсивной. Оторванные на двенадцать лет от родины, лишённые зачастую возможности личного общения, находившиеся не только в разных концах одной страны (Москва, Ташкент, Казань, Куйбышев, Елабуга), но и на различных континентах, разделённые иногда личными обстоятельствами, идейными позициями, они тем не менее стремились к общению, осознавали необходимость общего участия в борьбе, стремясь сохранить лучшие традиции немецкой прогрессивной литературы. Не случайно именно в годы эмиграции многие из них добились национального признания. Письма помогали побороть чувство одиночества, давали ощущение сопричастности к общей судьбе немецкой антифашистской интеллигенции в изгнании. В Иностранной комиссии Союза писателей СССР хранится большое количество личных и коллективных писем эвакуированных в глубь страны писателей с единственной просьбой: получить возможность агитационной и пропагандистской деятельности непосредственно на фронтах, в Информбюро или ИНО-Радио. Особый интерес представляют два письма от 17 ноября 1941 года. Одно из них, коллективное, направлено в адрес работников Информбюро и Всесоюзного Радиокomiteта. Текст письма гласит: «Нижеуказанные товарищи повторяют, что они рассматривают себя как находящиеся в постоянном распоряжении Информбюро и ИНО-Радио с момента их приезда в Казань. Они считают, что работа, проводимая ими <...> ещё более важной для разложения тыла фашистской армии. Они потому просят, чтобы им снова была дана возможность возобновить свою непосредственную работу на ИНО-Радио. А это предполагает в свою очередь возможность регулярного получения материалов повседневной информации и тех политических указаний, какие им давались в Москве» [2, с.3]. Среди подписавших это письмо –

Жан-Ришар Блок, Вилли Бредель, Эрих Вайнерт. Второй – отрывок из личного письма Вилли Бределя, в котором утверждается позиция писателя-антифашиста: «Я жду ответа от Информбюро и ИНО-Радио, где я до эвакуации выступал под своим именем перед микрофоном около 30 раз. Вместо того, чтобы сейчас работать полным ходом для разложения фашистской армии и тыла, мы сидим здесь, занимаясь случайными работами»[2, с. 4]. Проявление политической активности было характерно для большинства немецких писателей-эмигрантов, независимо от принадлежности к штабу Информбюро. Так, находясь по семейным обстоятельствам в Елабуге, вне круга немецких антифашистов, Гуго Гупперт в письме к А. Фадееву от 31 октября 1941 г. поднимал «вопрос о личной «целесообразной», объективно полезной деятельности, высказывая просьбу «не отделять его судьбу от судеб секции»[2, с.4-5].

Разновидностью эпистолярного жанра являются открытые письма, имеющие прямую политическую направленность, рассчитанные на определенного адресата. «Письмо к немецким солдатам» (Brief an die deutschen Soldaten, 1941) Вилли Бределя датировано июлем 1941 года. Оно обращено к рядовому немецкому солдату, опутанному ложью гитлеровской пропаганды. Письмо написано от первого лица. Вилли Бредель – страстный пропагандист и агитатор, опираясь на свой политический авторитет писателя-борца, антифашиста, известного в Германии, уже в начале письма стремится заставить солдата фашистского рейха задуматься над тем, что представляет собой его участие в войне: «К тебе обращается немецкий писатель-антифашист, чьи книги запрещены сегодня в Германии, потому что от тебя скрывают то, что хотят сказать твоим соотечественникам немцы, являющиеся противниками фашизма» [3, с.67]. В письме появляется метафора «армия смерти». Этот образ пройдет через многие произведения писателей-антифашистов. В. Бредель подписью «твой соотечественник» подчеркивает, что не отделяет себя от

простых тружеников Германии, за счастье которых борется в рядах Красной Армии.

К открытым письмам примыкает жанр обращений. Следует отметить их особую распространенность и многохарактерность. Они были письменными и устными, носили личный и коллективный характер. Большое место в жанре «обращений» занимала тема политического самоопределения интеллигенции. Характерный пример в этом плане – письмо-обращение «Иоганнес Бехер Э.Э. Двингеру» (An E.E. Dwinger von Johannes R. Becher) – взволнованное послание писателю, ранее известному в Германии, однако перешедшему в ряды профашистски настроенной интеллигенции. Написанное как бы на одном дыхании, оно завершается отрывком из Гёльдерлина, чье творчество так ценил Бехер. Подобное сочетание стихов и прозы в рамках одного произведения, цитирование творений предшественников, созвучных идее выступления или дающих новый поворот высказанному, было характерно для творчества И. Бехера. В этом обращении Бехер использует такой широко распространенный в немецкой антифашистской публицистике приём, как цитирование документов, писем, отрывков из произведений литературы. В анализируемом обращении Бехер использует цитату из романа Двингера «Между белыми и красными» о крахе белой армии: «Я стоял не на той стороне» – это изречение, господин Двингер, Вы адресовали самому себе. Это трагическое высказывание – итог Вашей жизни и деятельности. Хотя оно и обращено Вами другому, на самом деле оно непосредственно касается Вас. Если Вы найдёте мужество и возможность в этом признаться, то будущее для Вас ещё не потеряно» [3, с. 66]. Рассмотрим ещё два обращения Иоганнеса Бехера: «Обращение Иоганнеса Бехера к немецким поэтам»(1941) и «Обращение к немцам накануне Харьковского процесса» (1944). Первое из них опубликовано в том же номере «Интернационале литератур», что и «Письмо Вилли Бределя к немецким солдатам». При сопоставлении этих произведений четче вырисовывается

своеобразие публицистического мастерства каждого из писателей. Бредель обращается к немецкому солдату как соотечественник к соотечественнику, язык его письма прост, авторская мысль выступает в обнаженной форме. Бехер, как и Бредель, обращается к читателю от своего имени – имени известного немецкого поэта Иоганнеса Бехера, но аудитория, к которой он апеллирует, иная, и это требует других художественно выразительных средств. Язык его выступлений экспрессивен. Бехер использует разные виды повторов: ключевых слов и образов (Kreuze-Holzkreuz-Kreuzzug); синонимических рядов, призванных сконцентрировать внимание на главном («Невообразимое, ужасное свершилось!...»)(Das Unandenkbare, das Ungeheuerliche ist geschehen!), «...Отечественная, святая, справедливая война, которую ведет русский народ...»(Solch einen vaterländischen, heiligen, gerechtigten Krieg dagegen führt das russische Volk»), повторы отрицания, усиливающие выразительность мысли публициста (Die Taten sprechen davon, daß dieser Krieg demnach kein vaterländisches, kein heiliger, kein gerechter Krieg ist). Сопоставление двух рядов эпитетов, положительного и отрицательного, даёт необходимый поэту эффект контраста: vaterländischen- heiligen-gerechtigten и kein vaterländisches- kein heiliger-kein gerechter. В «Защите поэзии» («Verteidigung der Poesie») Бехер обосновывает роль повторов (или, как он их называет, «рефренов») в агитационной практике. Пространные доказательства и умозаключения Бехер резюмирует в отточенные формулы–лозунги, служащие опорными положениями его публицистических и художественно-документальных выступлений. В основе художественной ткани «Обращения» образ креста, смерти – деталь, пришедшая из самой жизни. «Я смотрел,– вспоминает писатель,– на простые деревянные кресты немецких солдат, погибших в прошлую войну на Украине. Я стоял перед этими деревянными и теперь уже затерянными в бескрайних пшеничных полях, одинокими крестами» [3, с. 62]. Символический образ креста в «Обращении» Бехера строится при

помощи синонимического рядов слов и словосочетаний: деревянный крест – крест – процессия крестов – армия крестов – бремя крестов (Holzkreuz – Kreuz – Kreuzzug – Kreuzheeres – Kreuzlasten) Писатель исходил при построении образа из конкретного понятия, конкретной, смысловой наполненности слова, переходя к более абстрагированным, символическим значениям. Уже сами по себе, вырванные из контекста, эти слова выразительны своими оттенками: крест – процессия, вереница крестов – армия крестов – бремя, тяжесть крестов. В пропагандистских выступлениях Бехера, наряду с логической цепью доказательств, мы находим и использование необыкновенно ёмких метафор, художественно обобщающих понятий, служащих основой для создания ярких образов: Blutsumpf (кровавое болото), Kreuzzug (вереница крестов), Leichenwüsteneien (трупное заустение), Schicksalsatz (пророчество). Потенциальная наглядность слова служила основой художественной выразительности. Медлительность доказательства писателя-философа контрастно сменяется страстным призывом поэта прекратить войну во имя жизни, освободить немецкий народ от взваленного ему на плечи бремени крестов: «Каждый должен сделать всё, что в его силах, чтобы не только наши жизни, жизнь народа, жизнь поколений не утонула в тени этой армии крестов! Хватит бремени крестов, которое до сих пор было взвалено на плечи немецкого народа! Достаточно страданий, смерти достаточно!»[3, с.63]. Это обращение завершается стихами, что соответствует патетическому тону произведения.

Обращению Бехера к немецкому народу накануне Харьковского процесса, беспощадно осуждавшего пассивность немецкого народа, замороженного формулой «Befehl ist Befehl!» также предпослан стихотворный эпиграф из «Бури» Шекспира в собственном переводе поэта: «Aus diesem, «ohne Hoffnung»,// o was geht euch//Für große Hoffnung auf. Hier// ohne Hoffnung ist// Auf andre Art so hohe Hoffnung» [4]. Этот эпиграф отражает страстную надежду автора на будущее, когда он снова

сможет гордиться своей принадлежностью к немецкой нации. Стиль «Обращение к немецкому народу накануне Харьковского процесса («Твоё дело, Германия, то, что здесь слушается»))» представляет собой сплав приёмов, характерных для ораторского искусства (патетика, полемическая заостренность мысли) и жанра философского эссе. С горечью пишет Бехер о том, что слово «немец» по вине Гитлера стало синонимом предательства. Обращаясь к немцам, писатель развивает стройную систему доказательств того, что кампанию, развязанную Гитлером, нельзя назвать войной в обычном понимании, поскольку единственной её целью является превращение занятых областей в кровавое болото (Blutsumpf). Логическая стройность доказательств сменяется страстным призывом поэта-борца к своим соотечественникам вновь придать слову «немец» человеческое звучание. Эта часть обращения изобилует восклицаниями, поэтическими метафорами, призванными воздействовать на восприятие читателей и слушателей: «Вас призываю я, вас заклинаю я, - о, если б я мог заговорить подобно буре и пробудить ваше сознание громовыми словами! Не молчите, не молчите, чтобы не стать пособниками палачей!» («*Euch rufe ich auf, euch beschwöre ich –oh, könnte ich sprechen, wie ein Sturm und Euer Gewissen wachrufen mit Donnerworten –schweigt nicht, schweigt nicht, um nicht selbst zu Henkershelfern zu werden!*») [4, с.19]. От имени мёртвых поэт обращается к живым, заканчивая свою речь страстным призывом, адресованным не только умам, но и сердцам соотечественников.

Особо следует сказать о жанре радиообращений в практике немецких антифашистов. Немецкие писатели принимали участие в работе группы литературы и искусства Советского Информбюро (Бредель, Бехер, Вольф). В июне 1941 года В. Ульбрехтом был представлен проект работы немецких писателей на радио. Гедде Циннер, Грете Лоде, Берте Ласк поручалось подготовка передач для немецких женщин, Гангс Роденберг должен был отвечать за программы для солдат вермахта и немецкой молодёжи, Адам Шаррер и Эрнст Фишер занимались крестьянскими

вопросами. Дискуссионным был вопрос о принципах построения радиопередач. С. А. Лозовский на совещании писателей и журналистов в литературном отделе Совинформбюро сформулировал главные задачи и указал на основные недостатки первых радиопередач: «Мы продолжаем давать общие материалы, которые не приносятся для данной аудитории. Радио в оккупированных странах слушают с большим трудом, слышимость плохая. Нужно, чтобы человек, слушая всего лишь две минуты, уловил основной смысл передачи. Нужно строить фразу так, чтобы она при плохой слышимости не приняла обратный смысл»[5, с.36-37]. Этим требованиям вполне отвечали радиобеседы и радиообращения Вилли Бределя, каждая из которых строилась на конкретном материале. В основу его передач всегда ложились факты текущей информации. Выступлениям Бределя свойственна четкость политических позиций. Радиобеседы писателя, текст которых был позднее опубликован в «Интернационале литератур», – это в основном обращения его к немецким женщинам – жёнам и матерям. В. Бредель, в отличие от И.Бехера, обращавшегося к слушателю подготовленному, интеллектуально развитому, ориентируется на рядового слушателя, на обычную немецкую женщину, чей сын, брат, близкий человек находится на Восточном фронте. Поскольку передачи В. Бределя образовывали циклы и каждая последующая была продолжением начатого ранее разговора, писатель начинал с напоминания темы предыдущего выступления, вводя слушателя в курс дела: «Исчерпав возможности пропаганды, Гитлер обратился к последнему средству – шнапсу. Но это было несколько недель назад. Ныне гитлеровских солдат приковывают к самолёту, танку». Бредель использует факты, сообщенные в сводках Совинформбюро: «За последние дни наши части при захвате ряда немецких блиндажей и укрепленных точек на одном из участков фронта Смоленского направления находят австрийских пулеметчиков, прикованных к пулеметам <...> Пленный пулеметчик заявил, что он прикован к пулемёту накануне вечером, когда

немецкие войска под напором красноармейской части начали отходить назад. Всё лицо пулеметчика избито стальной плеткой»(20 июля 1941 г.) [6, с.91]. Приведя несколько конкретных фактов подобного типа, рассказав о событиях самого недавнего прошлого, Бредель обычно четко формулирует вывод: «Диктатор, который использует подобные методы, не может впредь рассчитывать на победу, он проиграл» [6, с. 70]. Факты говорили сами за себя, заставляли задуматься даже в том случае, если передача была прослушана не полностью. Каждая строчка Бределя проникнута желанием спасти немецких обывателей от тупой покорности. Писатель использует и свой жизненный опыт, события своей жизни, что, естественно, находило большой отклик, чем абстрактные, отвлеченные фразы. Так, стержнем одной из передач является беседа Бределя с фрау Элерс (Ehlers). Её мужа писатель запомнил по событиям в Германии: «Фрау Элерс из Итцхоля, Ваш муж, Вилли Элерс, знаком и мне <...> Так прямым обращением к реально существующей женщине – жене «чистокровного арийца» начинает Бредель своё выступление. Он вспоминает «подвиги» её мужа в Германии, ныне «русской земли, которую он пытался завоевать, хватило лишь на то, чтобы покрыть его тело». Образ бескрайней русской земли, поглотившей своих завоевателей, как символ непобедимости русского народа, постоянно возникает в антифашистских выступлениях. Одно из выступлений Бределя обращено было к фрау Шульц из Берлина, чей сын также погиб на русской земле. Писатель, чьи сыновья сражались на фронте против солдат вермахта, искренне разделяет скорбь этой простой немецкой женщины из Берлина. Однако выдержки из писем немецких солдат о зверствах на русской земле, приводимые Бределем, наводят на мысль о том, что возмездие закономерно и неизбежно. «И кровавый посев, который сеяли нацистские вожди из года в год, взошел. Наша цветущая Германия превращается отныне в поле трупов»[3, с.70].

Документалистика немецких писателей-антифашистов не была изолирована от их художественного творчества; имея самостоятельное историко-литературное значение, она часто была той творческой лабораторией, в которой вызревали замыслы будущих художественных произведений. Несомненно, опыт оперативности, умение чутко реагировать на факты современности немецкой литературы социалистической ориентации 20-30-х гг. нашли своё продолжение в пропагандистской и агитационной деятельности немецких писателей-антифашистов периода Великой Отечественной войны. Специальные термины немецкой пролетарской эстетики: *Kampfbuch*, *Kampfkultur* отражают установку немецких антифашистских писателей на непосредственную действенность искусства, что подчас приводило к утилитаризму, прямолинейной тенденциозности. Однако положительное содержание этих терминов немецкой пролетарской эстетики получило несомненное развитие в публицистике немецких антифашистов периода Второй мировой войны.

Примечания

1. См. об этом подробно: Шарыпина, Т.А. Традиции *Kalendergeschichte* в публицистике Ф.Вольфа 40-50-х гг. [Текст]/ Т.А. Шарыпина // Электронный журнал "Новые российские гуманитарные исследования» <http://www.nrgumis.ru/2012.№7>.
2. Архив Союза писателей СССР. Правление ССП. Иностранная комиссия. Германия. Дело № 36. Переписка с немецкими писателями. Авторизованная машинопись.
3. *Internationale Literatur. Deutsche Blätter*, Hf. 9/1941 (здесь и далее перевод автора статьи)
4. *Internationale Literatur. Deutsche Blätter*, Hf.2/1944(здесь и далее перевод автора статьи)
5. ЦГАОР, ф.8581, оп. 1, ед. хр. 51.

6. Сообщения Советского информбюро. – М.: Изд-во

Совинформбюро, 1944. Т. 1.

Список литературы.

1. Архив Союза писателей СССР. Правление ССП. Иностранная комиссия. Германия. Дело № 36. Переписка с немецкими писателями. Авторизованная машинопись.
2. Сообщения Советского Информбюро: [в 8 т]. — М.: Совинформбюро, 1944 — 1945. — Т. 1. Июнь — декабрь 1941 года. — С. 4 — 5. — 456 с .
3. Шарыпина, Т.А. Традиции Kalendergeschichte в публицистике Ф.Вольфа 40-50-х гг. [Текст]/ Т.А. Шарыпина // Электронный журнал "Новые российские гуманитарные исследования» <http://www.nrgumis.ru/2012.№7>.
4. Internationale Literatur. Deutsche Blätter, Hf. 9/1941.
5. Internationale Literatur. Deutsche Blätter, Hf.2/1944.
6. ЦГАОР, ф.8581, оп. 1, ед. хр. 51.

Publicistic writings of German antifascist authors in Russia 1941-1945 (open letters and appeals)

Agitational social and political journalism of German writers W. Bredel, J. Becher, W. Wolf during the Great Patriotic War are reviewed, as well as their appearances on INO-radio, on programs of Soviet Information Bureau, and in antifascist print media.

Key words: publicistic writings, German antifascist authors, open letters, appeal to public opinion, epistolary style

